

Алие Кендже-Али

Колыбель

Роман

Художник Энвер Изетов

Avdet публикует на своих страницах роман «Колыбель» крымскотатарской современницы Алие Кендже-Али.

Главный герой Джелиль – учитель крымскотатарского языка, к которому в самых сложных жизненных ситуациях является просветитель Исмаил Гаспринский. Сможет ли Джелиль изменить положение своего народа, к чему приведут его искания и как изменится родина крымских татар, читайте на [Avdet](#).

Глава 1

Молодой человек приятной наружности мялся у больших железных ворот. Со стороны могло показаться, что он что-то потерял в грязи сырой мартовской улицы и усиленно пытается найти, шаркая ногами и всматриваясь в землю. На самом деле он заставлял себя войти в эти ворота, чтобы попасть на свою же работу.

– Селям алейкум, Джелиль Энверович! – дружным писклявым хором протараторили две маленькие девочки, пробегая мимо и скрываясь за воротами.

– Алейкум... – начал было отвечать Джелиль, но тут прозвенел звонок, и молодой школьный учитель крымскотатарского языка заторопился к входу в школьный двор, и через секунду его тонкая фигура скрылась в железном проеме.

«Выдыхай, выдыхай», – говорил себе Джелиль, пока его непослушное сегодня тело перемещалось по школьному двору. Он часто разговаривал сам с собой и даже с другими людьми внутри себя. И с теми, кого давно нет в живых, может быть, не один век, и с теми, кто еще не родился, но непременно должен родиться, по мнению самого Джелиля.

Разговаривал, ругался, жаловался, хвастался и советовался. Интрверт, которого многие считали странным.

– Когда ты уже женишься? – каждый день спрашивала у Джелиля мама, и, не дождавшись ответа, начинала говорить о его излишней скромности.

«Выдыхай, Джелиль, возьми себя в руки!» – в последний раз сказал себе он и вошел в гудящий, как встревоженный улей, класс.

Работу свою Джелиль любил. Не просто любил, а испытывал внутреннюю потребность быть именно учителем родного языка. Только на уроках у доски он преображался: глаза начинали гореть внутренним светом, на щеках выступал румянец, плечи распрямлялись и руки начинали жить вместе со словами, когда он жестикулировал и объяснял на пальцах некоторым нерадивым ученикам основы орфографии.

Что же заставило его в этот день остановиться в нерешительности у ворот школы? Какие причины могли лишить Джелиля желания заниматься любимым делом?

Для того чтобы ответить на эти вопросы и понять нашего героя, нам нужно вернуться на несколько дней назад, когда и начались эти загадочные и даже мистические события...

Глава 2

Три дня назад.

Тишина звенела на последней секунде предрассветного предчувствия, и вот-вот должны были погаснуть фонари сельской улицы у самого подножия горы и начать щебетать птицы. Но в комнате было поразительно ярко, да, даже не светло, а ярко! Джелиль вдруг окончательно проснулся и вскочил на ноги, задыхаясь от большого глотка холодного воздуха. Вся комната была залита светом, который бил с улицы. Но это был не солнечный свет, а нечто иное, похожее на жидкое золото, смешанное с воздухом.

Джелиль приблизился к окну и, прикрыв рукой глаза, пытался привыкнуть к свету и различить, откуда он исходит.

И вдруг слуха его коснулась мелодия, прекраснее которой он еще не слышал.

«Ааа, ааа, ааа,

Ай-я, ай-я, ай-я...» – звучало со всех сторон, и Джелиль понял, что это колыбельная, и в тот же миг он сумел увидеть за своим окном чуть выше айвы у забора очертания колыбели. Золотой колыбели! Она раскачивалась в такт звучащей песне и сияла ярче солнца. Джелиль онемел и не мог двинуть ни одним мускулом. Несколько секунд прошли, как долгие часы, и вдруг в лесу запела птица. Как только послышался ее голос, колыбель растворилась в воздухе и исчезла, и вместе с этим поднялся утренний шум в лесу и во дворах соседей.

Джелиль стоял, будто прибитый к полу (одно из любимых выражений его учеников в классе).

Внутри него уже говорил Гаспринский, который приходил к Джелилю в самых сложных жизненных ситуациях.

– Ты же понимаешь, Джелиль, что такие знаки даются не каждому.

– Понимаю, но что это было?!

– Золотая колыбель.

У Джелиля дрожали руки.

– Не нервничай ты так! Колыбель беспокоится, поэтому приходит к чистым душам, как ты.

– О чем она беспокоится?! – с нескрываемой тревогой выкрикнул вслух Джелиль.

Но Исмаил-бей лишь таинственно улыбнулся. Он всегда так делал, оставляя Джелилю пищу для размышлений.

В этот раз Джелиль даже хотел разозлиться на своего собеседника, но потом ему стало неудобно сердиться на самого Гаспринского.

В этот момент дверь отворилась и мама спросила:

– Ты опять кричишь во сне? Дуа надо читать в этом доме!

Дверь закрылась, но Джелиль все же услышал ворчливое:

– Когда ты уже женишься...

Глава 3

В этот день все шло не так, как обычно. Золотой свет явившейся колыбели мерещился теперь Джелилю везде. Например, на втором уроке крымскотатарского языка в десятом классе.

Здесь следует заметить, что родной крымскотатарский язык дети знали очень плохо. Да что там дети, их родители два слова не могли связать в разговоре с учителем, заикались, запинаясь, через слово вставляли русские слова и в итоге переходили на русский язык.

Джелиль думал: « Почему так происходит? Неужели им стыдно? Есть же у этих людей время на отдых и прогулки, но за всю жизнь они не могут найти времени на то, чтобы знать крымскотатарский язык, язык своих предков».

И несколько грозных крымских ханов внутри Джелиля укоризненно качали головами, а один даже хватался за голову.

Но сегодня... сегодня все было иначе. Через десять минут после начала урока Джелиль заметил возню за последней партой. Сейран пытался отобрать у Сеита какой-то клочок бумаги, а Сеит не отдавал. Борьба вот-вот должна была перейти в драку, как ребят остановил строгий голос учителя. Мальчишки встали со своих мест, виновато опустив голову.

– Джелиль Энверович, Сеит пишет любовные письма в стихах, но не по адресу! – горячо заговорил Сейран.

– Откуда ты знаешь, что я пишу и кому! Ты даже понять не можешь, что прочитал! – Сеит покраснел и опустил глаза.

– Дай мне этот листок, – Джелиль протянул руку и забрал у Сеита исписанный лист.

На чистом крымскотатарском языке и без ошибок там было написано:

Рассвет так близок и отступит тьма,

Народ проснется, крылья обретет.

Тебе явилась колыбель сама,

И только избранный небес ее найдет!

Джелиль вдруг подскочил, но не от того, что прочитал хорошие стихи у двоечника Сеита, а от того, что над головой этого ребенка под маленькой золотистой луной качалась маленькая золотая колыбель.

Развернувшись, натыкаясь на парты и детей, Джелиль выскочил из класса. Держась за стену, Джелиль думал: «Я схожу с ума!».

Но Исмаил-бей ответил на это: «Будешь гордиться тем, что ставил двойки будущему великому поэту!» – и опять таинственно улыбнулся.

На все вопросы о том, как ему удалось написать такие замечательные грамотные стихи, Сеит отвечал, что ему словно диктовали, он слышал голос и точно знал, как правильно писать.

«Неужели? – думал Джелиль. – Неужели эти знаки для меня. Но что мне делать? Что я должен делать?»

К вечеру Джелиль успокоил себя тем, что скоро все выяснится, но он не знал, что самое страшное и самое удивительное ждет его впереди.

Глава 4

Всю ночь за окном ухала сова, встревоженная разыгравшейся весенней бурей. Небо, плотно затянутое тучами, просило молний, время которым еще не пришло. Ветер переворачивал во дворах ведра и железные тазы, грохот от чего стоял немыслимый. Джелиль сидел у окна и ждал появления золотой колыбели, но вместо этого в его сознании одни исторические персонажи сменялись другими. Он не хотел разговаривать с ними, а просто молча выслушивал советы, вежливо кивая в знак согласия с мудрыми предками. Так и уснул Джелиль сидя, уронив голову на грудь, и проспал до самого утра.

День обещал быть сложным и неприятным: педсовет еще никогда в этой школе не проходил спокойно.

После уроков все учителя собрались в конференц-зале. У Джелиля никогда не было понимания с коллегами, в силу своей природной скромности, вежливости и воспитанности он не вступал в перепалки и не относился ни к одному из враждующих

лагерей. Вопросы, обсуждаемые на педсовете, Джелиль пропустил мимо ушей, но встрепенулся, когда речь зашла о часах крымскотатарского языка на следующий год.

Выступала завуч школы, маленькая женщина с жесткими чертами лица и неприятным голосом:

– Часы татарского языка нужно сократить! А те, что останутся, перевести в факультативы! Пусть лучше русский язык изучают, им сдавать на экзаменах русский язык, а не татарский!

Джелиль встал:

– Крымскотатарский.

– Что?!

– Не татарский, а крымскотатарский – это во-первых. Что может быть важнее родного языка? Пусть сдают экзаменами не русский, а крымскотатарский, разве эти языки не равны в Крыму? – на этих словах педагогический коллектив дружно ахнул, удивленный твердостью голоса молодого и всегда тихого учителя и его дерзостью и бесстрашием, потому что перечить завучу здесь никто не смел, даже директор.

Завуч побагровела и что-то начала кричать, пользуясь максимально высокими нотами своего голоса. Что именно она кричит, разобрать было невозможно, и до Джелиля долетали обрывки фраз:

– ... это же иностранный язык!.. Родители не хотят!.. За счет русского языка!.. Программой не предусмотрено!

Внезапно у Джелиля все поплыло перед глазами, но через секунду он широко распахнул в изумлении глаза и слегка открыл рот. Ничего не изменилось: та же комната, те же люди вокруг, та же маленькая орущая злая женщина, но! – теперь она была одета в черную кожаную куртку, кожаную кепку и в руках держала револьвер, который направляла на Джелиля.

«Всевышний, спаси меня!» – взмолился было Джелиль, но пространство вдруг сжалось до точки и снова расширилось. Теперь Джелиль оказался на незнакомом причале. В конце причала у самой воды на коленях стояли трое связанных молодых людей, на которых направляли револьверы люди в черной кожаной одежде с красными повязками на рукавах. Завуч школы ходила перед ними и выкрикивала какие-то обвинения этим ребятам в лицо совсем, как только что ему.

Джелиля словно бы не видели, и он подошел ближе. Почему-то он точно знал, что эти молодые ребята на коленях – его родственники из прошлого века.

В этот момент зачитали приговор, и не успел Джелиль попытаться помешать преступникам, как раздались выстрелы, и убитые люди упали в воду.

– Нет! Нееет! – закричал Джелиль, но уже было поздно что -то менять.

Яркий свет ударил в лицо, и он увидел золотую колыбель, опускающуюся к воде и забирающую убитых под свою тихую и грустную в этот раз песню...

Толчок в грудь, выдох и ... снова современный мир. Перед Джелилем машет руками завуч, ничего не изменилось.

Оглушенный произошедшим, Джелиль выбежал из конференц-зала, и, не помня себя, побрел в сторону гор.

До самого вечера он не мог опомниться, лежал на сырой земле, словно в беспамятстве, потом приходил в себя и все оплакивал, оплакивал тех, кого не смог спасти. Да и мог ли он спасти? И может ли спасти кого-то в будущем?..

Глава 5

Джелиль был окончательно разбит. Своими мыслями и видениями, ощущением и предчувствием чего-то важного, чего он понять еще не мог. Весенний воздух носил в себе тревогу и тягучую невыносимую тоску земли. После вчерашнего сложного дня, перевернувшего сознание Джелиля, встать утром с постели и пойти на работу он не мог.

Воздух в комнате казался сырым и холодным, а в голове звучал гимн крымских татар.

«Ты обязан умереть за народ, но не так же бесчестно, лежа в постели» – услышал вдруг голос Джелиль и, ошеломленный, подскочил на кровати, прикрываясь старым лоскутным одеялом.

На стуле посреди комнаты сидела девушка с выразительными темными глазами и бровями, и нежными розовыми щеками. На голове у нее было что-то вроде маленького синего феса, надетого на манер шляпки. Платье бирюзового цвета красивыми волнами опускалось до самого пола.

– Кто ты? Что делаешь здесь? – испуганно спросил Джелиль.

– Меня зовут Назмие. Почему ты стоишь на кровати?

– Как ты оказалась здесь? Я не понимаю...

– Я отвернусь, а ты оденься. Нам нужно поговорить. Времени у нас почти нет! – быстро сказав это, девушка отвернулась, а Джелиль быстро оделся.

– Я готов! Слушаю тебя!

Назмие не успела повернуться, как дверь открылась и показалась мама:

– Джелиль, ты когда-нибудь перестанешь меня пугать и разговаривать сам с собой?

– Так...я...эм. – Джелиль покраснел и молча показывал на Назмие, которая едва сдерживала смех.

– У тебя температура что ли, сынок? – жалостливо спросила мама и посмотрела мимо Назмие.

– Ты не видишь ее?! – изумленно спросил Джелиль.

– Кого, Джелиль? Твою температуру? Я же не градусник! Пойду, схожу к Хатидже, возьму у нее меда и молока для тебя, а ты ложись скорее в постель! – мама засуетилась и в тревоге вышла из комнаты.

Джелиль сел на кровати, держась за голову:

– Я сошел с ума. У меня видения. Мне срочно нужен врач!

– Джелиль, это не видения, я так же реальна, как и ты, просто умею быть видимой не всем. Послушай меня, Джелиль. Посмотри же на меня!

Джелиль поднял голову и посмотрел на девушку, невольно залюбовавшись ее статной фигурой и розовыми губами.

«Не хватало еще влюбиться в привидение», – подумал Джелиль, а девушка словно бы снова сдержала смех.

– Я – Назмие. Меня попросили помочь тебе, что бы ты не решил делать. Я живу через двести лет после тебя, поэтому знаю и понимаю чуть больше тебя. Ты не сошел с ума, просто в этом мире многое нельзя объяснить одним лишь умом. Пользуйся сердцем. У нас с тобой задача Вселенского масштаба!

Джелиль вдруг понял, что Назмие говорит на крымскотатарском языке, смешивая судакский диалект с алуштинским. Как он обрадовался, даже заулыбался! Ведь это значило, что через двести лет прекрасные девушки будут говорить на родном языке!

Глава 6

– Что там в будущем интересного? Расскажи! – Джелиль едва успевал за быстро идущей впереди Назмие.

– Все нормально, жарим чебуреки, пьем кофе, уважаем родителей... – бросала, улыбаясь, через плечо Назмие. – А у вас тут как?

– У нас все сложно, мне даже поговорить бывает не с кем, кроме Номана Челебиджихана или Исмаила Гаспринского в своей голове.

– Я тоже с ними общаюсь! Так что это нормально.

– У нас большие проблемы, Назмие. В культуре, в образовании. А еще у нас пропадают люди...

– Люди?! – Назмие резко остановилась. – Я не думала, что все зашло так далеко! Джелиль, у вас и, правда, проблемы.

Через час пути, когда начался подъем на ближайшую гору, Назмие стала уставать.

– Куда ты ведешь меня? – тревожился Джелиль.

– Скоро ты сам все увидишь, – уклончиво отвечала Назмие и снова спотыкалась об острые камни в своих тонких, похожих на восточные лодочки, туфельках.

Джелиль уже шел впереди и тащил за собой за руку Назмие.

– Они не могли никого посильнее прислать? – ворчал он.

– Я сама захотела. Увлекаюсь историей.

– Так кто же тебя прислал?

Назмие сделала вид, что не слышит, или ей действительно было не до ответа.

Они стояли на вершине горы, и Назмие показывала рукой куда-то вперед.

Джелиль посмотрел по направлению ее руки и воскликнул:

– Что за черт!

Перед ними, будто ущелье между двумя рядами гор, зияла черная бездонная дыра. Она была узкой, как трещина, и в обе стороны не было видно ее конца.

– Только не говори, что мы скоро уйдем на дно моря! – смог выдать из себя испуганный Джелиль.

– Не бойся, с землей у вас все в порядке. Это временной разлом.

Глава 7

Джелиль не был трусом, напротив, в своей душе он чувствовал, что способен на героический поступок. Он мог бы отдать жизнь за другого человека, если бы это понадобилось. Но теперь, перед лицом опасности и (что страшнее) неизвестности, он дрогнул.

Черная дыра всего в полукилометре от него дышала ужасом. Из нее вырывались языки тьмы, словно черное пламя.

– Джелиль, ты многое должен узнать. Колыбель в опасности, ее ищут и уже почти нашли. Вы все в опасности. Если ты не исправишь ситуацию и не закроешь временной разлом, всех уничтожат. Тебя не будет, меня тем более. Я даже не появлюсь на свет. Не будет ничего! Нашего цветущего края не будет! – Назмие прямо смотрела на Джелиля. Ее большие красивые глаза наполнились слезами, щеки покрылись румянцем и губы дрожали.

– Но почему я? Я совсем не подхожу! Посмотри на меня! Я плохо ем, мало сплю, спортом не занимаюсь. Я даже жениться не могу, потому что очень скромный. У меня есть отличный вариант, мой знакомый, парень Айдер. Два высших образования, мастер спорта, сильный. Пусть он всех спасает! – Джелиль быстро зашагал в сторону дома, Назмие бежала за ним.

– Ты не понимаешь, тут справишься только ты... так решили на совете... тебя рекомендовали четыре хана... – ветер доносил до Джелиля лишь обрывки фраз, но последние слова Назмие заставили его остановиться.

– Каких еще четыре хана? В будущем опять ханы у власти?

Назмие засмеялась:

– Да нет же. Их духи приходят. Возле колыбели собирается совет. В совет входят как наши выдающиеся люди из прошлого, так и современные деятели. И они выбрали тебя.

– Почему они выбрали меня? И что я могу сделать? Ты видела эту дыру? Максимум, на что я способен – это провалиться в нее.

– Ты только не пугайся, но именно это ты и должен сделать, – сказала Назмие, но увидев выпученные от страха и удивления глаза Джелиля, добавила: – Но не сегодня.

До самого дома Джелиль и Назмие не проронили больше ни слова. Джелиль думал, молился, потом опять думал, щипал себя и снова думал. Назмие бежала за Джелилем, часто отставала, цепляясь платьем за кусты шиповника и ежевики.

В комнате Джелиля в этот вечер долго не гас свет. Назмие сидела в кресле и рассказывала ему о будущем. О прекрасных городах, сказочных садах, быстрых поездах насквозь через горы и о многом другом. Джелиль изредка удивленно вскрикивал и улыбался. Мама Джелиля несколько раз заглядывала в комнату и горестно качала головой, видя сына сидящим на кровати и кивающим пустой стене. Она была твердо настроена вызвать утром знакомого врача и посоветоваться по поводу состояния сына. А Джелиль все слушал и слушал необыкновенную историю сказочного будущего. Потом Назмие исчезла, но обещала

вернуться на следующий день. Засыпая, Джелиль словно все еще слышал ее голос, похожий на серебристый поток горного ручья ранней весной...

Глава 8

– Джелиль! – голос доносился из самого мозга, стучал молотком в висках.

– Джелиль!

Джелиль сел на кровати, за окном серело раннее утро. Голос, разбудивший Джелиля, принадлежал Исмаилу Гаспринскому.

Джелиль вдруг застонал, вспомнив события последних трех дней.

Исмаил-бей укоризненно покачал головой:

– А ведь все, что говорит это юное создание по имени Назмие, правда.

Тень просветителя скользнула по стене и исчезла за окном в лучах скупого восходящего солнца. На секунду Джелилю показалось, что это не солнце встает из-за горы, а сама золотая колыбель восходит на небо. Золотая колыбель... Артефакт крымских татар, святыня, хранительница нашей земли. «Что случилось с нами, почему от бывшего величия остались одни воспоминания и сожаления? – думал Джелиль. – Равнодушие народа, безграмотность, растворение в чужой культуре – к чему это все приведет? Или всему виной действительно темные силы, вмешавшиеся в ход истории?»

– Да, ты прав, – раздался голос Назмие у самого уха Джелиля.

Джелиль резко обернулся:

– Я не говорил вслух!

– У тебя на лице все написано, – засмеялась Назмие. Сегодня она была в платье пурпурного цвета с изысканной золотой вышивкой.

– Это темные силы, проникающие через временной разлом. Это бесы, шайтаны, черти – называй, как хочешь. Они хотят завладеть нашей золотой колыбелью, чтобы приобрести власть над нами, сделать нас своими рабами, а после захватить весь мир. Они везде, Джелиль, и даже на твоей работе, на которую, ты, кстати, опаздываешь.

Наспех позавтракав, Джелиль вышел из дома, Назмие шла рядом с ним и продолжала свой рассказ:

– Сегодня ночью я была в горах и видела место, где держат всех пропавших людей, там есть и живые люди, и души уже убитых... Туда забирают самых чистых сердцем и душой, потому что существует пророчество, что нашу землю спасет герой с золотым сердцем. Тебе нужно быть осторожным, чтобы не выдать себя, Джелиль.

– А почему ты думаешь, что у меня золотое сердце?

Назмие снова засмеялась:

– Помнишь, как ты отдал последние деньги женщине, просящей милостыню на рынке, и пошел домой пешком, и шел всю ночь?

– Помню, денег на билет не осталось.

– Эта женщина купила хлеб своему ребенку и спасла его от смерти. А помнишь, как ты неделю сажал картошку старой бабушке на вашей улице? Она молится о твоём здоровье до сих пор. И таких случаев очень много. Ты не ищешь своей выгоды ни в чем, в тебе нет зла, ты способен на подвиг.

Джелиль смущенно замолчал, а Назмие продолжала:

– Но сейчас речь не об этом. В тебе теперь появилась способность видеть больше, чем остальные, в том числе и видеть бесов. Сегодня на работе ты будешь их видеть, но тебе нельзя себя выдать. Соберись с духом и улыбайся, как обычно.

Джелиль нерешительно остановился у больших железных ворот, ведущих во двор школы. Это был как раз тот момент, с которого мы начали свое повествование.

Наш герой нерешительно мялся, переваливаясь с одной ноги на другую. Назмие терпеливо ждала, когда Джелиль успокоится и войдет, затем спросила:

– Хочешь, я пойду с тобой?

Джелиль покраснел и утвердительно кивнул.

«Хорош герой, – ругал он себя, – боюсь увидеть то, с чем мне надо будет сразиться...».

Но Назмие крепко сжимала его руку, и они вместе шли по школьному двору. Со стороны казалось, что молодой учитель идет один, но почему-то он все время смотрел влево, словно на кого-то, идущего рядом. Джелиль и сам не заметил, как отвлекся от неприятных мыслей и ни о чем уже не думал, любясь нежным лицом прекрасной Назмие...

Глава 9

Золотая колыбель поднималась над зелеными холмами и острыми скалами, над игривыми горными, прозрачными от своей чистоты, речками, над шумными водопадами и голубыми озерами. Заливая своим золотистым светом сочные цветочные луга, подобно солнцу, на небо поднималась колыбель. По просторной широкой степи неслись табуны диких лошадей, прекрасные олени с широкими ветвистыми рогами выходили из лесов и смотрели на небо. Еще ярче разгоралась колыбель. Девушки у родника набирали воду в высокие кувшины и, танцуя, убегали с ними к небольшой деревушке у самого моря. Старик своими большими натруженными руками срывал первую гроздь винограда и любовался отражающейся в каждой ягоде золотой колыбелью. Но вдруг вздрогнула колыбель. Вздрогнула и качнулась на небе. Стала краснеть, раскаляться, словно заливаться кровью. Потемнела земля, убитыми детьми своими покрылась. Капает кровь на колыбель, плачет колыбель. Ветер переходит в бурю, гнет деревья, вырвал куст винограда с корнем, с ног повалил старика. Колыбель стала темнее налетевших туч, затем черной, как смола, и вдруг исчезла, став на секунду прозрачной...

Весь рисунок смешался в палитру красок и в одно мгновение снова превратился в узоры ковра. Джелиль с Назмие сидели на полу у окна и все еще смотрели на килим, висящий на стене, который только что был живым. Только выражение лиц у них было разное: изумленное у Джелиля и загадочное у Назмие.

— Столько лет смотрел на этот килим, никогда ничего подобного не замечал, — наконец смог выдать из себя Джелиль.

— Этот килим был создан давно твоей прабабушкой, не так ли? — улыбнулась Назмие.

– Да, он у нас давно. И в депортации был с нами, и обратно в Крым вернулся. Я все никак не могу понять, почему прабабушка тогда взяла с собой только этот килим и больше ничего. И как они его сохранили! Не продали, не обменяли ни на что.

– А я скажу тебе, почему. Этот килим – артефакт вашей семьи. Он спас жизни всем вам, защитил вас, сохранил. В него вплетен луч золотой колыбели. Только истинные мастера могут создавать подобные творения. Просто сейчас тебе многое открылось, и ты стал видеть то, чего не видел раньше, – и тут Назмие весело рассмеялась, вспомнив, как вчера Джелиль реагировал на темные силы, с которыми ему пришлось столкнуться на работе.

Джелиль понял, почему смеется Назмие и тихо пробурчал:

– Я бы на тебя посмотрел на моем месте.

И в памяти снова всплыли настороженные взгляды коллег, их лица выражали смешанные и непонятные чувства. Ему показалось, что у некоторых есть рога и хвосты.

Джелиль иногда вскрикивал даже при этих воспоминаниях, поэтому Назмие поспешила отвлечь его от этих мыслей.

– Джелиль, нам нужно подготовиться к путешествию в прошлое. Этот килим мы возьмем с собой.

– Как на ковре-самолете что ли? – весело ответил Джелиль.

– Почти, но не совсем. На рассвете выходим в путь.

На улице послышался шум, в ворота постучали. Выйдя во двор, Джелиль увидел, что это пришел врач, Нариман-агъа, которого все же пригласила мать.

– Селям алейкум, проходите в дом, – вздохнув, сказал Джелиль, предчувствуя неприятное объяснение и извинения за лишнее беспокойство.

Джелиль с Нариманом-агъа остались в небольшой гостиной, а мама встревожено побежала на кухню варить кофе.

– Можешь ничего не объяснять, Джелиль, я все знаю. Возьми вот это с собой, когда отправишься в путь, – Нариман-агъа протянул Джелилю небольшой узелок. – Спрячь скорее!

– Но... откуда вы знаете?!

– А ты думаешь, ты один такой всезнающий? – на лице Наримана-агъа играла улыбка.

После вкусного кофе, врач заторопился к другим больным, успокоив маму Джелиля:

– Эдие-абла, у вашего сына обыкновенное переутомление, не переживайте так.

И добавил, обращаясь к Джелилю и незаметно подмигивая:

– Главное – иметь золотое сердце.

Глава 10

Ранним утром, едва воздух стал светлее, чем темнота, две тонкие фигуры отделились от общего рисунка села с его разной

высоты домами и многоярусными извилистыми улицами на склонах гор и стали двигаться на северо-восток к средней, самой высокой, гряде Крымских гор. Юноша и девушка шли бесшумно, не произнося ни единого слова. Казалось, что в это время абсолютной предрассветной тишины даже шепот будет слышен на большом расстоянии. Это были Джелиль и Назмие. Их лица в сером свете казались острыми от напряжения и переживания. Джелиль на плече нес снятый со стены ковер.

Через несколько часов они пришли к тому месту, где стояли два дня назад, и откуда Назмие показывала Джелилю временной разлом. Солнце уже поднялось над восточной горой. Внизу вместо ущелья по-прежнему чернела бездонная продолговатая дыра.

– Назмие, ты точно ничего не перепутала? Нам и, правда, необходимо ТУДА?

– Не перепутала, Джелиль. Ничего не бойся, хотя риск большой и нас ждет много неожиданного.. Нам нужно развязать некоторые исторические узлы ради спасения нашего народа.

– Я ничего не боюсь! Как ты вообще можешь такое мужчине говорить? Вас в будущем неправильно воспитывают.

– А у вас в настоящем все идеальные!

Изредка пререкаясь и подшучивая друг над другом, Джелиль и Назмие спустились к самому временному разлому. Ощущение тьмы было таким сильным, что у обоих иногда подкашивались колени. Из ямы сильно несло плесенью.

– Завернись в килим, – скомандовала Назмие.

– Чтоо??

– Он защитит тебя! Давай скорее, я тебе помогу.

– А ты?

– А у меня свои артефакты.

Подойдя к самому краю обрыва, Джелиль с помощью Назмие завернулся в старый килим, оставив наружу только голову.

– Ты готов?

– Да!

– Тогда полетели! – с этими словами Назмие столкнула Джелиля в темноту разлома и прыгнула вслед за ним.

Джелиль ощутил, как он полетел вниз с огромной скоростью. Глаза слезились от потока воздуха, и ничего не было видно из-за темноты. Килим сжимал его тело, словно живой.

«Мы погибнем, это безумие», – подумал Джелиль и зажмурил глаза.

В этот момент его ноги внезапно почувствовали почву, и он с силой сел на развернувшимся килиме, и открыл глаза. Назмие приземлилась рядом.

Они сидели на полу плохо освещенной большой комнаты, полной людей. Все присутствующие удивленно уставились на них, дружно ахнув. Приятно пахло кофе и, судя по тому, что в помещении были одни мужчины, Джелиль понял, что они попали в кофейню.

Глава 11

Джелиль все еще сидел на своем килиме под изумленными взглядами мужчин в старинной одежде. Молчаливая пауза затягивалась, и Джелиль взглянул на Назмие. Поймав испуганный взгляд Джелиля, Назмие сказала:

– Вставай, мы уходим.

Джелиль вскочил, собрал килим и закинул его на плечо, бормоча извинения.

В этот момент один из мужчин подошел к нему и что-то начал говорить. Было совсем непонятно, что он говорит, и это испугало Джелиля еще больше, но потом он стал понимать отдельные слова, скорее интуитивно сравнивая их с однокоренными словами современного крымскотатарского языка.

– Вы, наверное, к нам издалека приехали? Вы музыкант? – спрашивал мужчина.

– Нет, нет, – ответил Джелиль, – я случайно к вам попал, я перепутал дверь.

– Вы так странно говорите, на каком диалекте? Вы с южного берега?

– Да, я оттуда, – отвечал Джелиль.

– Пойдем уже, прошу тебя, – прошептала Назмие.

Тут Джелиль заметил, что на Назмие никто не смотрит, все смотрят на него. «Отличная способность быть невидимой, надо

спросить у нее, как она это делает», – думал Джелиль, едва успевая за уже выходящей из кофейни Назмие.

Оглянувшись, он еще раз извинился и попрощался, невольно краснея от смущения под пристальными взглядами посетителей кофейни.

Выйдя на улицу, словно во сне, наши герои попали на узкую улочку старинного города. На дворе было жаркое крымское лето, и это было так странно после весны, где буквально минуту назад были Назмие и Джелиль. По обе стороны улицы располагались лавки с товарами, у которых стояли или сидели продавцы. И чего здесь только не было! Глаза разбегались от изобилия фруктов и овощей, мяса, висящего целыми тушами. Здесь были и лавки с глиняными горшками, и с украшениями, и с одеждой. По улице ходили люди, одетые совсем как на тех картинах, которые Джелиль видел в музеях. Конечно, Джелиль привлекал к себе внимание в своей современной одежде, прохожие оглядывались, а лавочники кивали друг другу, показывая на него.

– Назмие, мне не по себе. Они все смотрят! Куда мы идем? Где мы?

– Иди спокойно и делай вид, что ты иностранец, хотя этот твой серый костюм никуда не годится, ты бы еще кроссовки надел! Надо купить тебе другой наряд. Мы в Бахчисарае, но я пока не могу понять, в какой год мы попали.

– Ты не можешь понять?! Я думал, что ты в курсе всего, что с нами происходит! А как мы купим одежду, на что?

– А ты развяжи свой узелок, который дал тебе Нариман-агъа. Давай присядем здесь.

В этот момент они уже стояли под раскидистыми деревьями в конце оживленной улицы. Присев на раскинутый Джелилем килим, Назмие вынула из своей сумки узелок и протянула Джелилю. И вот что в нем оказалось, когда Джелиль развязал его: старинные золотые монеты, маленькая женская шпилька с драгоценным камнем, современные дорогие механические часы японской фирмы, современная политическая карта мира.

– Как интересно! – воскликнула Назмие.

– Мне кажется, из этого всего нам пригодятся только деньги.

– Время покажет, – загадочно улыбнулась Назмие.

Она взяла из узелка несколько золотых монет и завязала его обратно.

– Тебе нужно пойти в лавку к портному и попросить у него готовую одежду для тебя, у них всегда есть что-то в запасе.

– Я один пойду? Они же не понимают меня!

– Сходи один, а я пока пройдусь по городу, послушаю людей, узнаю какой сейчас год, и что вообще происходит. Встретимся здесь же.

Джелиль разошелся с Назмие на углу и несмело пошел по другой, более широкой и еще более многолюдной улице. Из-за большого количества людей на него меньше смотрели, и поэтому Джелиль мог осмотреться сам. Невысокие дома поражали своей чистотой и нарядностью. То там, то здесь над домами возвышались минареты мечетей. Большое количество деревьев делало город живым. Женщины были скромно одеты,

дети играли у торговых лавок, или бежали рядом с матерями по улице, весело хохоча.

«Дети, в любое время дети», – подумал Джелиль и улыбнулся.

В одной из открытых дверей он заметил цирюльника, искусно выполняющего свою работу и трудящегося над клиентом. Потоптавшись в нерешительности, Джелиль все же переступил порог цирюльни.

– Селям алейкум, а не подскажете, где я могу найти портного?

Цирюльник замер с лезвием в руке, и его рот слегка приоткрылся в удивлении. Клиент, которого брили, оглянулся и выпучил глаза.

– Алейкум селям, вас надо подстричь?

– Нет, мне нужен портной. Одежда... ммм... мне нужна одежда.

Джелиль в отчаянии пытался объяснить, что ему нужно, мысленно ругая себя, что в свое время плохо изучил особенности языка этого периода.

«Вот тебе и прогулянные лекции, вот тебе «не пригодится мне это»», – мелькало в голове.

Цирюльник понял, наконец, чего хочет Джелиль. Он показал рукой на другую сторону улицы, и Джелиль выбежал скорее прочь, чувствуя за спиной взгляды и слыша шепот...

– Всевышний, дай мне сил преодолеть все то, что Ты выбрал для меня на моем пути, – взмолился Джелиль и зашагал к лавке портного.

Глава 12

Через четверть часа из лавки портного вышел молодой человек в белой рубашке с длинными рукавами, поверх которой был надет синий удлинённый жилет. Синие шаровары были свободны, широки у пояса и в шагу, сужаясь ниже колен, на щиколотках были застёгнуты на пуговицы. На ногах у него были жёлтые сафьяновые туфли, а на голове высокая шапка с чёрным овечьим околышком.

Это был наш Джелиль. Теперь он шёл уверенно и бодро и даже думал о том, как хорошо в этом Бахчисарае, который в прошлом. Именно в этом, а не в том, из настоящего, куда буквально месяц назад он ездил по делам и был в очередной раз неприятно удивлён тем, как стирается восточная культура с улиц старинного крымскотатарского города.

Джелиль вдохнул полной грудью и улыбнулся, поправляя на плече килим. Он улыбался прохожим, торговцам, домам и всей улице одновременно. «А ведь это мои предки, может, и родственники где-то здесь есть», – думал Джелиль и в каждом пытался узнать, распознать родного человека. Но что удивительно, каждый встреченный им на улице человек казался родным и близким. «И это тоже, в отличие от той действительности, где мой дом», – мелькнуло у Джелиля в голове.

Назидие под деревьями ещё не было, и Джелиль стал ждать её, с интересом наблюдая за жизнью бахчисарайской улицы. Не было мыслей о том, зачем он здесь и как ему вернуться обратно, он просто наслаждался этим видом щемящей сердце родной старины.

И вдруг произошло то, что заставило Джелиля подпрыгнуть на месте. В толпе мелькнуло лицо, знакомое с самого детства.

«Нет, этого не может быть!» – вслух произнёс Джелиль и почувствовал, как кровь отлила от лица. По улице уверенной походкой шёл худощавый мужчина среднего роста. Одет он был в тёмный костюм европейского типа и был без головного убора. Его светлое лицо было приподнято к небу и выражало глубокую задумчивость. Тёмные усы необыкновенно ему шли, а густые брови оттеняли и без того глубокие тёмные глаза.

Мужчина подходил всё ближе и ближе, и теперь Джелиль был уверен, что перед ним сам Исмаил Гаспринский.

Джелиля охватило волнение: одно дело разговаривать с воображаемым человеком из прошлого, а другое – встретить его вот так посреди улицы, ещё и в прошлом, которое прошлое для них обоих...

Запутаться можно! Джелиль встряхнул головой, но видение не ушло. Напротив, мужчина перевёл свой взгляд с проплывающих по небу облаков на Джелиля, при этом не изменив задумчивого выражения своего лица. Это действительно был Исмаил бей Гаспринский, и он направлялся к тем деревьям, под которыми стоял наш герой.

Джелиль уже подбирал слова, чтобы достойно встретиться с великим просветителем, как услышал женский крик. Кричала Назмие.

Глава 13

Джелиль побежал в том направлении, откуда раздавался крик, не разбирая дороги и натываясь на людей.

– Джелиль, спаси меня! – кричала Назмие, но Джелиль всё не мог понять, где она находится.

Он свернул на соседнюю улицу и остановился. Больше никто не кричал.

– Вы не видели здесь девушку, с ней что-то случилось, она кричала? – спрашивал он у прохожих, но те удивлённо смотрели на него, непонимающе переглядываясь друг с другом.

– Назмие, Назмие, где ты?! – в отчаянье кричал Джелиль, мечась из стороны в сторону по улице, заполненной людьми и повозками.

И вдруг он увидел Назмие. Она лежала под стеной на краю дороги с закрытыми глазами, а люди проходили мимо неё, словно не замечая. Способность быть невидимой сыграла на этот раз злую шутку с Назмие. Её маленькая фигура казалась такой тонкой и хрупкой, волосы разметались по земле.

У Джелиля дрожали руки, и словно перестало стучать сердце. Он бросился к Назмие, приподнял её голову и всё повторял:

– очнись, прошу тебя! очнись!

Назмие действительно открыла глаза, но взгляд её был затуманенным, словно она вот-вот потеряет сознание. Она что-то шептала, и Джелилю пришлось наклониться ухом к её губам, чтобы услышать, что она говорит:

– Прости меня, я не смогла. Они напали на меня.

– Кто, Назмие? Кто напал?

– Шайтаны из тьмы. Они забрали мой артефакт. Я умираю.

– Как это ты умираешь? Нет! Не умирай, прошу тебя! Ты просто не можешь так поступить! – у Джелиля на глазах заблестели слёзы.

Назмие попыталась улыбнуться:

– Ты невыносим, Джелиль. Прощай... – Назмие закрыла глаза и словно перестала дышать.

Сердце Джелиля тоже, казалось, остановилось. И время замерло. Рука Назмие медленно соскальзывала с руки Джелиля, и ему казалось, что это не рука, а он падает во тьму, погружается во тьму, становится тьмой.

Как гром в этой ужасающей тишине страха и боли раздался спокойный строгий голос над головой:

– Собери ей волосы.

Джелиль поднял голову и увидел Исмаил бея. В эту же секунду он вспомнил о той шпильке, которая лежала в узелке, переданном ему врачом Нариманом-агья перед путешествием в прошлое. Узелок забрала Назмие в свою сумку, и Джелиль стал судорожно искать сумку. Наконец, он увидел её в нескольких метрах от них под стеной, схватил и тут же отыскал в ней узелок, а в узелке шпильку с маленьким красным драгоценным камнем, по всей видимости, рубином.

Он вновь взглянул на Назмие. Как он мог допустить подобное! Это было похоже на кошмарный сон. Её лицо стало белым, даже губы побелели.

Джелиль бережно взял голову Назмие в свои руки, по его щекам текли слёзы, а губы дрожали.

Одной рукой он придерживал её голову, а другой бережно собрал её шелковистые волосы вместе и закрепил маленькой шпилькой. Красный рубин засверкал в каштановых волосах Назмие, а сама она вдруг порозовела и громко выдохнула, словно до этого намеренно задерживала дыхание, а потом вновь вдохнула и открыла глаза.

– Ты что, правда меня спас? – дрожащим голосом, но с обыкновенной иронией в голосе спросила она. – Что ты сделал? Это было уже невозможно!

– Ты жива, жива, Назмие! Как я рад! Это не я спас, это... – Джелиль посмотрел по сторонам и, найдя взглядом Исмаил бея, глазами показал на него.

Исмаил бей приблизился и произнёс:

– Селям алейкум, я очень рад встрече! Эта заколка в ваших волосах принадлежала женщинам вашей семьи по материнской линии и тоже является вашим артефактом, который вас спас, Назмие. Нам необходимо поговорить.

Глава 14

Назмие вскочила, покраснела и стала отряхивать платье, время от времени извиняясь и рассказывая, что с ней произошло.

– Они появились ниоткуда. Две тёмные сущности с огромными рогами и длинными хвостами. Им всё известно о нас, о том, что мы здесь, Джелиль. Они также знали о моём артефакте, с помощью которого я путешествую во времени – это старинная брошь, она была вплетена в мои волосы. Они выхватили мой артефакт и сбежали, оставив меня умирать. Думаю, эти сущности могут вернуться и здорово нам навредить. Они очень сильные.

Джелиль, Назмие и Исмаил Гаспринский уже шли по улице в обратном направлении, в сторону деревьев, где оставил свой килим Джелиль.

«Неужели это не сон? Я иду по улицам старинного Бахчисарая с девушкой из будущего и с нашим национальным героем!» – думал Джелиль.

– Кстати, сейчас 1778 год, – произнесла Назмие задумчиво, когда они подошли к деревьям.

– Послушайте меня, Джелиль и Назмие, – произнес Исмаил бей, серьёзно глядя на них обоих. – У меня мало времени, и я должен успеть вам сказать самое главное. Вам необходимо встретиться с ханом Шагин-Гиреем и поговорить с ним о будущем, показать ему будущее. Но вы не сможете этого сделать в действительности, вас просто к нему не пустят.

– Как же нам быть? – тихо спросила Назмие.

Джелиль, казалось, дар речи потерял, от глубокого голоса и красивой правильной речи Гаспринского, от осознания того, что он говорит с ним.

– Единственный способ встретиться с ханом, – продолжал Исмаил бей, – прийти к нему во сне. И на это из всех нас способен только Джелиль.

– Я? – только и смог произнести Джелиль.

– Да, у тебя есть килим, хранящий в себе луч колыбели. Если ты с правильным намерением ляжешь на него и уснёшь, ты сможешь действовать во сне как в реальности. Если ты сможешь изменить действительность сейчас, моя действительность

через сто лет тоже изменится, и я обещаю, что тогда я смогу достигнуть наивысшего расцвета нашего прекрасного народа! А сейчас мне действительно пора. Пусть Всевышний хранит вас! – на этих словах Исмаил бей зашагал по улице в сторону заходящего за дома солнца. Закатные лучи светили в глаза, и казалось, что фигура просветителя уходит в сам закат, исчезая в лучах и скрываясь вместе с ними за минаретами.

Глава 15

Джелиль долго смотрел на закатное летнее небо, постепенно теряющее свой яркий цвет. Он не то, чтобы думал о чём-то, скорее пытался до конца поверить и принять события, происходившие в этот, уже ускользающий, день. Когда он очнулся от своих мыслей, то заметил, что Назмие стоит, прислонившись к старому огромному тополи, и по её щекам текут слёзы.

– Назмие, почему ты плачешь? Очень испугалась, да?

Назмие вытерла слёзы и выпрямилась:

– Нет, я не испугалась, я ничего не боюсь. Плачу, потому что думаю о том, как мы могли всё это потерять, этот прекрасный город, свою культуру и язык.

– Ты же говорила, что в будущем всё прекрасно? Что стоят на берегу моря прекрасные города и наш народ жив!

– Джелиль... как тебе правильно объяснить? Есть несколько вариантов будущего. Если у тебя получится поговорить с ханом и убедить его, направить, то действительно нас ждёт прекрасное будущее. Но если нет... Это будет страшно!

– А ты из какого будущего?

– Я была в нескольких вариантах нашей реальности. Но сейчас меня задержали в одном из них, более плотном, то есть вероятном, и завтра утром меня могут расстрелять...

– Что???

– Если это произойдёт, я исчезну, но ты не пугайся, ты продолжай действовать.

Джелиль стал нервно ходить из стороны в сторону, что-то бормоча себе под нос, и иногда вскрикивал, скидывая руки к небу.

Назмие терпеливо ждала, когда он успокоится. Наконец Джелиль остановился.

– Значит, существует вариант будущего, где я уже всё изменил? То есть, где у меня в прошлом получилось встретиться с ханом и убедить его?

– Да.

– Что мне нужно делать?

– Тебе же сказали: лечь на килим, уснуть и во сне прийти к Шагин – Гирею. Я выяснила, что его теперь нет в Бахчисарае. Он уехал в Кефе и строит себе новый дворец. Здесь его все ненавидят. Если бы ты слышал, что о нём говорят! Даже имя его не произноси громко рядом с местными жителями.

– Уже почти стемнело, куда мы пойдём?

– Здесь недалеко есть постоянный двор. Иди за мной.

Джелиль шёл за Назмие, стараясь не отставать от её быстрого и стремительного шага. Людей на главной улице старинного Бахчисарая становилось всё меньше, лавки закрывались. Над домами раздался голос имама, читающего вечерний эзан. Горожане засуетились, торопясь к вечерней молитве, и улицы в одно мгновение совершенно опустели.

Глава 16

Постоянный двор, куда пришли Джелиль и Назмие, располагался за одной из двухэтажных кофеен. Посередине двора находился большой фонтан, а дальше шли помещения для ночлега. Джелиль с трудом нашёл хозяина, пытаясь на своём крымскотатарском языке объяснить постояльцам, наполнявшим двор, что ему нужно. Найденный в дальних комнатах хозяин в ответ на просьбу переночевать отрицательно покачал головой:

– Мест нет.

– Но я приехал издалека! Найдите мне хоть угол, прошу вас.

– Есть место в общей комнате, но там долго не расходятся гости, играют в шахматы.

– Я согласен.

– Ужин нужен? Есть холодное мясо и лепёшки.

Джелиль заплатил за спальное место и за ужин, и его отвели в большую, наполненную людьми, комнату. Назмие невидимой для всех тенью следовала за ним.

Сидя на невысокой деревянной лавке, предназначенной также для сна, наши герои с жадностью ели холодный ужин. Люди за невысокими столами играли в шахматы, что-то пили и ели, разговаривали, смеялись, спорили. Комната была плохо освещена несколькими свечами, и лица мужчин сложно было разглядеть.

– Хорошо, что они тебя не видят, – сказал Джелиль.

– Вот видишь, как это хорошо, быть невидимой, – улыбнулась Назмие.

Джелиль невольно стал прислушиваться к разговорам. Говорили о товарах и проблемах перевозки, о болезнях скота и красавицах Запада и Востока. И, конечно, говорили о политике. К чему приведут новые реформы, что будет с ханом, что будет с людьми. Прогнозы были неутешительными, все жаловались на то, что раньше было лучше, а теперь жизнь становится всё невыносимее.

– Смотри, как свободно они говорят! Не то, что у нас, где лучше помалкивать, если хочешь спокойно жить и работать, – тихо сказал Джелиль.

– Здесь и люди другие – смелее. Знаешь, почему? Их тут большинство, и каждый друг за друга. Не они боятся, а их боятся.

Постояльцы ещё долго шумели и разошлись только после полуночи. Ещё несколько лавок комнаты были заняты гостями, которым не досталось этой ночью отдельной комнаты.

Джелиль говорил шёпотом, но даже шёпот во внезапной возникшей тишине был слишком заметен.

– Что мне делать? Спать на килиме? А потом? Как мне контролировать свой сон?

– Расстели килим на полу и ложись на него. Всё, что тебе нужно сделать – загадать себе сон, подумать о том, что ты хочешь оказаться в спальне хана.

– А что мне говорить ему? Я даже события в истории путаю, если честно.

– Расскажи ему о своей работе в школе, этого будет достаточно, чтобы он потерял сознание от ужаса, – смеялась Назмие.

– Тебе всегда не вовремя смешно! – обиделся Джелиль. – Умереть ей нестрашно, но что говорить хану, она не знает! Я буду выглядеть очень глупо!

– Для него это будет такой же сон, как и для тебя! А во сне можно всё, даже выглядеть глупо. Ложись уже и засыпай.

Джелиль расстелил килим на полу рядом с лавкой и лёг на него. Назмие прилегла на лавке.

«Что мне представлять? – думал Джелиль. – Пусть мне приснится хан, пусть мне приснится хан, пусть мне приснится хан...» Сон постепенно сковал веки и проник в сознание Джелиля.

Глава 17

Море шумело надрывисто и громко, ветер качал деревья, растущие вдоль берега. Джелиль стоял на берегу, и ощущал море всем своим существом.

«Где я?» – подумал он и оглянулся. Везде, куда хватал взгляд, возвышались дома в лунном свете. Ночной город был тёмным, но Джелиль вдруг понял, что он попал в Кефе.

«Но мне же нужно к хану», – подумал Джелиль и внезапно набросившийся вихрь переместил его в просторное помещение. Слабый свет одинокой свечи у окна освещал богато убранную комнату, по центру которой располагалась большая кровать, усыпанная подушками.

Среди подушек Джелиль различил спящего человека.

– Хм, хм... – громко закашлял Джелиль, и человек, спящий на кровати, вскочил.

– Кто здесь? Охрана!

– Не кричите, прошу вас, вам просто снится сон!

– Сон? Что за сон? Охрана!

– Я пришёл к вам из будущего, мне нужно кое-что вам передать.

Шагин-Гирей сел на кровати. В этот момент Джелиля словно ужалила пчела. Перед ним сидел Нариман-агъа, врач из его села, который приходил к нему перед их с Назмие путешествием.

– Нариман-агъа? Что вы здесь делаете?

– Вы сумасшедший! Охрана!

– Простите, простите меня! Вы видите меня во сне.

– Это и вправду сон? Что же вы хотите мне сказать?

В голову Джелиля предательски стала лезть история его работы в школе, которую шутя посоветовала Назмие, но он отогнал от себя эти мысли, улыбнувшись.

– От ваших решений, которые вы принимаете сейчас, многое зависит, зависит судьба нашего народа.

– Вас прислал мой брат? Чего он хочет? – голос хана был поразительно похож на голос врача, и лицом он был настолько похож на него, что Джелиль невольно думал об этом.

– Меня никто не присылал, вернее, присылали... Совет, который собирается у Колыбели.

– Какой ещё совет? За моей спиной создали совет?! – Шагин-Гирей гневно засверкал глазами и сжал кулаки. – Кто, если не я, думает о народе? Кто, если не я, пытается исправить ошибки всех тех, кто правил до меня? Старые законы не действуют, мир развивается и нам необходимо идти в ногу со временем!

В этот момент неизвестно откуда в голову Джелиля пришла мысль. Он открыл свою сумку и достал узелок, который дал ему Нариман-агъа. Узелок светился изнутри. Джелиль едва успел развязать его, как яркий свет ударил в потолок и осветил всю комнату. Джелиль взял в руки светящуюся политическую карту мира, но она выскочила из рук и развернулась сама перед изумлённым ханом и уже ко всему привыкшим Джелилем.

Карта была живой, как два дня назад живым оказался килим на стене комнаты Джелиля. На ней проносились годы, десятилетия и века. Вот и сегодняшний день, вот и завтрашний. Шагин-Гирей, не отрываясь, следил за тем, что происходило на карте. Вот он, Шагин-Гирей, стоит, окружённый со всех сторон врагами. И

народ отворачивается от него. Эмиграция, ссылка, смерть. Слёзы застилали глаза хана, но он не замечал, как они стекали по его щекам. И дальше шли годы войн и революций, расстрелов интеллигенции, ссылок, депортации, борьбы за возвращение на Родину, митингов и пикетов, гонений и подавлений. Всё это, как кино, возникало на карте и в ярких красках описывало то, что произошло с крымскими татарами и Крымом в известной Джелилю истории. Шагин-Гирей плакал, не скрывая своих слёз. Во сне можно быть слабым, не так ли? Вот и современные Джелилю дни промелькнули серой тенью на карте, и она упала на полкомнаты, свернувшись и перестав светиться.

– Это всё правда? Кто ты? Ангел смерти? Ты пришёл за мной за мои грехи?

– Нет, меня зовут Джелиль, я прибыл к вам из будущего. Всё, что было показано на этой карте, правда. – Джелиль заметил новое свечение в своей сумке, это были современные наручные часы японской фирмы, которые тоже были в узелке. Он достал часы и протянул хану. – Это вам в доказательство того, что я говорю правду.

Шагин-Гирей с лицом Наримана-агъа взял часы в дрожащие руки и задумчиво стал смотреть на них. В этот момент ветер налетел на Джелиля, свеча погасла, и он открыл глаза, лёжа на килиме в комнате постоянного двора в Бахчисарае.

Глава 18

Джелиль открыл глаза. Он лежал на полу большой комнаты постоянного двора на своем килиме. В небольшие окна бил свет, с улицы доносились приглушенные голоса купцов и торговцев, ржание лошадей, которых запрягали в телеги с товаром, звон посуды и журчание воды большого фонтана. Сон еще не до

конца отпустил Джелиля, и образ хана все стоял перед глазами, а руки дрожали от волнения.

– Надо же, у меня получилось, – произнес Джелиль и повернулся к лавке, где спала Назмие, чтобы рассказать ей о том, что с ним произошло во сне. Но не увидел ее.

– Назмие, где ты? – встревожено спросил Джелиль, оглядываясь по сторонам.

Но ее не было ни в комнате, ни во дворе, ни в других помещениях, куда кинулся на поиски Джелиль.

Его лицо пылало от страха и волнения, глаза бегали повсюду, ни на чем не задерживаясь ни на секунду. Мыслей не было в голове, лишь одно желание – увидеть ее.

Мужчины во дворе что-то спрашивали или говорили ему, но Джелиль никого не слышал. Он выбежал на улицу, уже многолюдную в этот ранний час. Самая страшная мысль не приходила ему в голову, он не позволял ей возникнуть, он отрицал ее, мечась среди людей как раненный зверь. Неужели... Неужели он не смог убедить, уговорить Шагин-Гирея, и Назмие погибла... Нет, не может быть! В ушах звенело, земля перестала держать. Джелиль сел под стеной какого-то дома и закрыл глаза.

– Ты что, спишь? – раздалось у самого уха.

– Назмие! – Джелиль вскочил и, не помня себя, схватил руками лицо Назмие и приблизил к себе. Назмие отпрянула, оттолкнув Джелиля:

– Ты с ума сошел, что с тобой?

– Я думал, ты погибла, думал, что тебя расстреляли в твоей тюрьме! Что я не смог ничего изменить! – глаза Джелиля были широко раскрыты и выражали огромную боль, которую он испытал минуту назад.

– Все в порядке, я жива, смотри, – улыбалась Назмие. – Я проснулась до рассвета, и мне захотелось посмотреть, как встает солнце над этими домами, над этим сказочным городом... А как твой сон? Ты видел хана?

Через некоторое время Назмие с Джелилем сидели в тени раскидистых деревьев недалеко от красивых фонтанов и разговаривали. Джелиль рассказал обо всем, что произошло во сне.

– Знаешь, у него были такие глаза, когда он все увидел, увидел свою смерть. Мне кажется, он должен понять и попытаться исправить ситуацию. Начать действовать в интересах своего народа.

– Джелиль, он и сейчас в интересах своего народа действует. Если он поверил тебе, он изменит свои взгляды, изменит свои поступки, и будущее тоже изменится. То, что я жива – хороший знак, правда?

– Как ты можешь находиться и здесь, и там, в будущем?

– Я нахожусь только здесь, а там моя голограмма. Но если со мной заговорят, мне придется вернуться.

– За что тебя... хотят расстрелять?

– Много разговариваю, – Назмие засмеялась, но ее глаза стали необыкновенно грустными.

Улицы наполнялись людьми, запоздалые лавочники открывали свои лавки, вкусно пахло горячим хлебом и кофе. Джелилю вдруг захотелось, не отрываясь, смотреть в глаза Назмие, но от этой мысли он и вовсе не мог поднять на нее взгляда.

– Нам пора возвращаться, Джелиль. Все, что могли, мы уже сделали.

В этот момент Джелиль услышал, что кто-то зовет их. Это был торговец из мясной лавки, расположенной напротив стены, под которой сидели Джелиль и Назмие. Он принимал большую тушу, по всей видимости, теленка, и звал Джелиля помочь ему.

Джелиль стал помогать мяснику, мужчине средних лет, и молодому парню, который привез мясо. Но что-то насторожило Джелиля. Это был запах. Неприятный гнилой запах из лавки. Но он не успел даже подумать, что могло так отвратительно пахнуть, как его, а следом и Назмие, затащили в лавку.

– Что вы делаете? Как смеее?! – успел крикнуть Джелиль, как земля провалилась под его ногами и они все полетели вниз.

Глава 19

Тошнотворный запах заполнял носоглотку и не давал вдохнуть, глаза привыкали к темноте. Полет был недолгим, насколько секунд по черному тоннелю. Мясник и парень, который привез тушу, все еще держали Джелиля и Назмие за руки. Только сейчас они выглядели по-другому. Нечеловеческие огромные глаза, налитые кровью. Лица, искаженные, с звериным оскалом. На головах закрученные острые рога.

В красном свете, льющим откуда-то сверху, эти существа выглядели зловеще и устрашающе. Джелиль пытался

вырваться, но руки мясника были не просто сильными, они были словно из железа.

– Джелиль, ты знаешь молитвы? – Назмие была спокойна, но Джелиль не успел ответить. Их с силой толкнули вперед, в центр круглого темного помещения с рассеянным красным светом. В темноте дальней стены Джелиль различил фигуру, которая приближалась к ним. Запах душил и, казалось, усиливался.

Существо, похожее на человека, без рогов, приблизилось на расстояние, когда можно было его рассмотреть. Но на лице у него было что-то похожее на маску с прорезями для глаз и рта.

– Кто здесь у нас? – раздался трескучий насмешливый голос. – Крысы-патриоты из вымирающего племени? – существо разразилось отвратительным писклявым смехом.

– Чего вы хотите? – спросила Назмие.

– Я чего хочу? Это вы чего хотите! Наглые ходячие мертвецы! Неужели вы до сих пор не можете понять, что у вас два пути: перейти на мою сторону или погибнуть в муках! Что вы пытаетесь спасти? Мои люди повсюду, во всех веках. Я уничтожил и подчинил себе другие народы. Но ваш случай оказался сложным. И все из-за одной безделицы – паршивой колыбели! Я знаю, что вы скажете мне, где находится золотая колыбель.

Существо подняло руку в направлении Джелиля. Длинный кривой ноготь указательного пальца вдруг стал удлиняться, словно луч красного света, дошел до груди Джелиля и... пронзил его. Боль оказалась дикой, страшной, от которой хотелось кричать, но крик застрял где-то в ребрах. Джелиль раскинул руки и повис на этом луче, чувствуя, что жизнь вот-вот покинет его.

Назмие кричала, но ее крик был словно за глухой стеной. Она просила отпустить его, не убивать.

– Где Золотая Колыбель, отвечай мне! – отвратительное существо жгло сквозь прорези маски своими кровавыми глазами.

– Он не знает, не знает! – кричала Назмие.

Вдруг Джелиль почувствовал сквозь боль, что из него вытекает кровь. Она течет из раны в середине груди и по ногам стекает на землю. Джелиль все еще чувствовал дикую боль, но знал, что сознание вот-вот покинет его. Он вспомнил слова Назмие о молитве и стал внутри себя повторять священные слова, обращаясь к Всевышнему. Боль стала отступать, и слух пропал совсем. В глазах потемнело, но что удивительно, воздух внезапно очистился и стал таким вкусным, таким кристальным, словно после летнего крымского дождя в любимых родных горах... Слова молитвы в голове смешались с картинками родного села, матери, детства.

«Всевышний, прими мою душу, но спаси мою землю», – последняя мысль, проникая в темное сознание умирающего Джелиля.

Глава 20

– Очнись, очнись, Джелиль! Открой глаза! – Назмие склонилась над Джелилем, брызнула холодной водой, пытаясь привести его в чувства.

Джелиль открыл глаза и снова почувствовал сильную боль в груди. Из губ его раздался стон.

Теперь они находились совершенно в другом месте, наполненном золотистым светом. Джелиль с удивлением увидел, что вместо потолка над ним стекло, по ту сторону которого вода и плавают рыбы, словно они находились под большим аквариумом.

Вокруг раздались голоса:

– Отнесите его к Колыбели, пусть дотронется до нее.

– До Колыбели не дотрагивались больше двухсот лет, а если будет как в последний раз?

– У него нет другого шанса выжить, только дотронуться до Колыбели.

Назмие слегка отодвинулась, и Джелиль увидел около сорока мужчин разных возрастов и по-разному одетых. Одни сидели на низких диванах вдоль стен, другие стояли с книгами и свитками в руках.

– Это Совет Золотой Колыбели, – шепнула Назмие, но боль мешала Джелилю ответить, и он опять потерял сознание.

Через некоторое время, когда Джелиль открыл глаза, яркий свет ослепил его. Словно солнце спустилось с неба и светило в лицо. Немного привыкнув, Джелиль смог рассмотреть парящую в воздухе, полупрозрачную, всю в ярких золотых лучах Колыбель.

Самого Джелиля держали на руках несколько мужчин и кто-то из них сказал:

– Протяни руку и дотронься до нее, Джелиль.

Джелиль протянул руку, но не почувствовал жара. Скорее наоборот, райскую прохладу. Он коснулся, дотронулся до Золотой Колыбели и золотой свет по его руке разлился по всему телу и тут же поставил его на ноги. И одна ясная мысль возникла в голове, словно сама Золотая Колыбель внушила ему ее:

«Ничто и никто не сможет убить наш народ, пока жива Золотая Колыбель...»

Глава 21

Свет Золотой Колыбели уже не так слепил глаза, лучи его казались живущими каждый сам по себе. Вот один луч остановился на груди Джелиля, словно проверяя, затянулась ли рана. Джелиль непроизвольно поднял руку и приложил к сердцу: раны не было. Другие несколько лучей колыбели пронизывали водяной потолок над ними и играли там с рыбами, освещая прозрачную чистую воду дна неизвестного пока Джелилю водоёма. Но один, самый яркий луч, скользил по лицам, привлекая взгляд Джелиля. Он освещал одно лицо за другим стоящих здесь людей, и Джелиль узнавал их. Известные личности разных эпох, деятели крымскотатарской культуры, правители и обычные люди с одухотворёнными лицами, полными смелости и решимости, с глазами, отражающими великие души. Джелиль узнавал многих из этих людей: Номан Челебиджихан, Хаджи Гирей, Шакир Селим... Все они сейчас смотрели на Джелиля.

– Но разве я имею право стоять здесь, среди вас? – тихо произнёс Джелиль.

– Существует понятие судьбы и предназначения, Джелиль, – раздался знакомый голос, и луч колыбели скользнул в сторону, осветив вышедшего вперёд Исмаила Гаспринского. – Я не зря все эти годы приходил к тебе и разговаривал с тобой. Тебя

выбрала Колыбель. Знаешь, за что? За то, что ты в самые тёмные и смутные времена для своего народа сохранил чистоту сердца и верность своим предкам. Ни слава, ни деньги не смогли прельстить тебя (здесь стоит отметить, что Джелиля не раз приглашали на высокооплачиваемую работу, но он отказывался, считая, что эта работа сделает его предателем по отношению к своему народу). В будущем крымскотатарским государством правит Назмие ханум, — Исмаил бей указал рукой по направлению, где стояла Назмие, которая тут же покраснела и потупила глаза. — Но существует несколько вариантов будущего, когда вариант прошлого всегда один. Мы все уже сделали, что могли в своё время, но сейчас собираемся у колыбели и слушаем её, просим спасти наш умирающий народ.

— Правитель крымскотатарского государства? — вырвалось у Джелиля. Он не отрываясь смотрел на Назмие, которая с интересом изучала носки своих туфель.

Но его мысли прервал глубокий голос, раздавшийся за спиной и заставивший обернуться:

— Ты достоин, Джелиль, просто сам ещё не знаешь, что достоин. Не дожил до того времени, когда создашь великие произведения, когда спасёшь наш Крым.

Черты говорившего человека казались знакомыми. Красивое одухотворённое лицо с глазами острыми и умными, но в то же время выражающими бесконечную доброту. Сложно узнавать людей в реальности, даже если ты много раз видел их на фотографиях или портретах.

— Бекир прав, ты сам всё узнаешь, но когда проживёшь свою жизнь, — сказал Исмаил бей.

Да! Теперь Джелиль понял: с ним только что говорил Бекир Чобан-заде. От этой мысли перехватило дыхание и

закружилась голова. Несколько рук подхватили его и посадили на что-то мягкое, издалека слышался голос Назмие:

– Он ещё совсем слаб, и впечатлительный очень.

А в голове Джелиля крутилось одно: «Правитель крымскотатарского государства. Назмие – правитель. Как она могла не сказать?»

Глава 22

Стебли травы медленно двигались из одной стороны в другую. По крупному жёлтому одуванчику полз муравей, смешно цепляясь лапками за лепестки. Щеке было твёрдо, мелкие камни горячей земли врезались в кожу. Джелиль моргал глазами и не мог понять, где он находится. Голова была такой тяжёлой, будто огромный молот ударил по ней, да так и остался давить своей тяжестью ровно по центру черепа. Приложив неимоверное усилие, он всё же поднял голову и тут же увидел Назмие, сидящую недалеко от него на берегу, по всей видимости, озера. Семейная реликвия Килим лежал неподалёку.

– Могла бы и постелить мне что-нибудь под голову, – тяжело владея языком, произнёс Джелиль.

Назмие оглянулась:

– Я знала, что ты так быстрее очнёшься. У нас много дел.

– А где все? И где мы? И где мы были? Не под этим ли озером?

– Ты так любишь задавать вопросы, Джелиль! Давай выйдем в путь, и я тебе всё расскажу.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой Правитель, – Джелиль низко поклонился Назмие, ойкнув при этом от боли. На лице его читалась обида, щёки разгорелись от бушующих мыслей. – Могла бы хоть намекнуть, что я не с обычной девушкой путешествую тут... по времени.

Назмие встала, поправила фес и быстрым шагом направилась вдоль берега в сторону виднеющейся просёлочной дороги.

– Нет, не объясняй, зачем? Мне можно вообще ничего не говорить, я же из прошлого, что я могу понять? Это в будущем у вас все проницательные, наверное, понимают без слов. – Джелиль всё говорил и говорил вслед идущей Назмие, пытаясь не отставать от неё, но держась за голову. – Ты можешь медленнее идти, прошу тебя, – наконец взмолился он, – У меня голова невыносимо болит.

Назмие обернулась:

– Ты умер и снова ожил, голова не может так быстро перестроиться, тем более твоя. – Назмие сейчас была совсем другой. От милой и доброй девушки, которая неделю назад появилась в комнате Джелиля, не осталась и следа. Перед Джелилем стояла сильная и мудрая молодая женщина, взгляд которой пригвоздил к земле и пронзал сейчас насквозь. Джелиль почувствовал, что Назмие злится на него, но не мог отвести взгляда от её лица. Тонкие скулы сейчас особенно выделялись, губы без улыбки казались тонкой прямой струной, потеряв за одну секунду свою привлекательную припухлость, глаза горели ярким внутренним светом невероятной силы. Джелиль не отводил взгляда и смотрел прямо на неё, такой же сильный и решительный, как она.

– Не думай, что я буду подчиняться женщине, даже если ты тысячу раз правитель, – твёрдо и спокойно сказал Джелиль.

– Именно поэтому я и не сказала тебе ничего! Зная твоё упрямство, ты бы никуда со мной не пошёл, Джелиль. – к последнему слову голос Назмие становился мягче и спокойнее, а взгляд постепенно гас, прикрываясь длинными ресницами. Назмие опустила глаза, и Джелилю стало невыносимо стыдно. Но он не стал показывать своего раскаянья:

– Ты – женщина, я – мужчина. Править будешь у себя в будущем, а сейчас я пойду впереди. Скажи только, куда мы идём.

– Мы идём за те скалы, что впереди, там есть проход в твоё настоящее. Мы вернёмся к тебе и спасём людей, которых шайтаны силой удерживают в горах.

– Как мы их спасём?

– Тебе нужно будет позвать Золотую Колыбель. Всем сердцем позвать. И если она появится, мы всех спасём и сами спасёмся.

– Но ведь мы только что были у золотой колыбели? Она сама не может их спасти?

– Колыбель появляется только там, где в неё верят, а в твоём настоящем давно нет веры в неё. Пойдём скорее.

Две фигуры двигались по раскалённой просёлочной дороге. Джелиль шёл впереди, развернув плечи и высоко подняв голову, чувствуя свою мужскую силу и превосходство. Лицо его было серьёзным и сосредоточенным.

Следом за ним скользила тонкая Назмие, улыбаясь спине идущего впереди Джелиля. Каждый из них думал о разном и в то же время друг о друге.

Глава 23

За скалами оказалось пологое широкое ущелье, с равниной между двумя горами. Джелиль остановился, только дойдя до середины ущелья.

– И где эта жуткая чёрная дыра, в которую надо прыгать? – Джелиль посмотрел на Назмие и взгляд его стал мягче.

– Мне кажется, дыры в этот раз не будет. Будет колодец.

– Неприятные ощущения – падать куда-то.

– Ну... в этот раз нам не надо падать вниз, нам надо падать вверх. Мы ведь не в прошлое хотим попасть, а в будущее.

– Падать вверх? Как это?

– А ты наблюдай. Накинь килим на плечи.

Джелиль взглянул на небо, представляя, как они будут падать вверх. В этот момент неизвестно откуда налетели облака и стали кружить над ними. Серые тяжёлые тучи затягивали всё небо, только что идеально синее и солнечное. Стали сверкать молнии и греметь гром. Тучи кружили и кружили, двигаясь по кругу прямо над головами Джелиля и Назмие. Назмие улыбалась, поэтому и Джелиль оставался спокойным. Вдруг над ними стал образовываться чистый круг неба с лучами солнца, который становился всё больше. Ветер усиливался, гром и молнии бушевали вокруг. До Джелиля стали долетать капли идущего стеной вокруг них дождя. Но над ними с Назмие светило солнце и было круглое синее окно летнего неба.

– А вот и наш колодец! – прокричала Назмие.

В этот момент ветер с силой набросился на них, но не поднял в воздух, нет. Он словно перевернул землю вверх дном. Теперь земля и стоящие на ней Джелиль с Назмие оказались сверху на месте неба, а небо с бушующей грозой и небесным колодцем внизу. И Джелиль начал падать, а следом за ним и Назмие. Воздух бил в лицо, проникая под губы, и смешно раздувал их, не давал открыть глаза и протяжно свистел в ушах. Ноги и руки иногда бились о дождь, идущий стеной вокруг колодца. Поток воздуха перевернул Джелиля на спину, и он увидел Назмие. Она летела с закрытыми глазами и улыбкой на губах. Лицо выражала полное блаженство, а руки были расправлены в стороны, словно крылья птицы. Эта картина летящей девушки была так прекрасна, что для Джелиля словно отключился звук ревущей стихии, и включилась мелодия старой забытой песни о том, как прекрасен мир. Казалось, время застыло для Джелиля, но резкий толчок заставил его очнуться.

Они с Назмие сидели на грязной холодной земле дождливого марта в начале улицы, где жил Джелиль. Моросил дождь.

Тонкая летняя одежда в одно мгновение стала влажной и заставила почувствовать, каким прохладным может быть март в Крыму.

– Давай скорее пойдём домой, пока не заболели, – сказал Джелиль и встал. Ноги дрожали, как бывает у человека после долгого плавания сошедшего, наконец, на сушу.

– Джелиль, только переодеться и в путь. Там страдают люди! – Назмие вскочила и побежала вперёд.

Джелиль вздохнул вслед убегающей Назмие, но ему не хотелось больше спорить с ней, кто будет идти впереди. В его памяти она всё ещё летела прекрасной птицей. И он принимал её такой. И уже не хотел исправлять.

Глава 24

Перемена времен, знаете ли, нелегкое занятие. И состояние при перелете между веками не самое лучшее. Это вам не самолет между континентами в рамках одного дня. Меняется все: запахи, краски природы, ощущение другого времени, будто невидимая стрелка часов внутри тебя сошла с ума и крутится с невероятной скоростью.

Джелиль шел по своей улице и держался за грудь в области солнечного сплетения, ощущая острую давящую боль. Он смотрел себе под ноги, думая лишь о том, что скажет сейчас своей бедной матери, которая столько дней не знает о том, где он и что с ним.

И тут произошло то, что заставило Джелиля резко остановиться и поднять голову, чтобы оглянуться вокруг. Вы не поверите, но почти подпрыгнуть Джелиля заставили камни на дороге. Они были аккуратно выложены в причудливые узоры под ногами и напоминали тротуарную плитку. Еще несколько дней назад эта сельская улица напоминала изрытую бульдозером стройплощадку с большим количеством камней под ногами (особенности горной породы земли). «Как будто бомба упала», – любила повторять мама Джелиля. Но теперь камни были искусно подобраны один к одному по размеру и форме, и слегка отшлифованы сверху, словно лежат здесь не один год.

Подняв голову, Джелиль ахнул и схватился теперь за сердце. Идущая рядом Назмие весело рассмеялась:

– Ты только не теряй сознания, падать на камни будет больно.

– Что, что это? Все изменилось! Где мы? – на лице Джелиля отражались удивление и радость, и восторг, что еще больше рассмешило Назмие.

И действительно, удивляться было чему. Дома соседей на родной Джелилю улице поразительно преобразились. Они напоминали формой свой прежний вид, но в то же время, словно по волшебству неизвестного скульптора, обрели красоту и яркость. Заборы и стены были выложены мозаикой или натуральным камнем, на маленьких балконах в горшках цвели поразительной яркости цветы. Восток и запад отражались в этих странных теперь для Джелиля домах. Он словно бы шел по итальянской и турецкой улочке одновременно. А в конце улицы Джелиль увидел красивую мечеть с высоким минаретом, и глаза его наполнились слезами. Столько лет он добивался того, чтобы в их поселке построили мечеть. Писал письма, собирал деньги, отдавал свою зарплату. Несколько дней назад на этом месте был лишь частично залит фундамент. Джелиль остановился и посмотрел на Назмие. Ее лицо излучало свет, улыбка была так открыта и чиста, а глаза как зеркала отражали этот новый мир, в который вернулся Джелиль.

– Назмие, скажи, мы все изменили? У меня получилось?

– Думаю, получилось. Ты только води себя естественно, пока не забрали в больницу как душевнобольного. У нас еще много дел, нам людей надо спасать.

– Зачем их спасать? Вернее, они ведь не должны быть в опасности, как изменилась реальность.

– Мы смогли изменить время и действительность, но этих людей держат вне времени. Темные силы ни за что их не отпустят, тем более теперь, когда вернулась Золотая Колыбель.

– Золотая колыбель сейчас здесь?

– А ты разве не чувствуешь? Она повсюду! Вдохни этот воздух, Джелиль! Вдохни его! Он пропитан нашей Колыбелью! – Назмие медленно кружилась, закрыв глаза и вдыхая воздух.

Джелилю на мгновение захотелось обнять ее, прикоснуться к ее щеке щекой и кружиться так вместе бесконечно...

Но Назмие остановилась, расхохотавшись, и в ту же секунду стала серьезной и мрачной, вспомнив о людях, которых держат в плену. «Как быстро в ней меняются эмоции, и все отражаются на ее прекрасном лице», – подумал Джелиль.

Вот и дом Джелиля, до боли знакомый, и в то же время не знакомый. Глухие восточные резные ворота, каменные стены, везде цветы, во дворе фонтан...

Едва распахнув входную дверь, Джелиль увидел свою маму за столом с врачом Нариманом-агъа, совсем так, как они сидели перед его путешествием в прошлое. Только одежда на них была совсем другой, богаче и лучше. А интерьер дома казался сказочно красивым и очень был похож на старинный бахчисарайский, но с новыми технологиями в виде техники.

– Джелиль, ваша мама так переживает за ваше здоровье, но я ей говорю, что это от переутомления, – с улыбкой и весело подмигивая произнес Нариман-агъа. – У вас такая нагрузка в школе, столько классов, в которых вы ведете основной предмет, – Нариман-агъа явно получал удовольствие от изумленного состояния Джелиля.

– Основной предмет? – переспросил Джелиль, но Нариман-агъа, так сильно напоминающий Шагин-Гирея, не успел ему ответить, потому что его перебила мама Джелиля.

– Что за одежда на тебе? Вы опять ставите исторические спектакли? Ты мокрый, Джелиль! Эта работа до добра не доведет! Ты своих учеников больше своей жизни любишь! Совсем не жалеет себя, – последние слова с горестной интонацией были обращены у Нариману-агъа.

И Джелиль, воспользовавшись паузой, проскользнул в свою комнату, а за ним и Назмие, продолжая оставаться невидимой для всех.

Глава 25

В комнате все было иначе: другая кровать, другой шкаф, другая одежда в шкафу. Джелиль бережно положил у стены мокрый и грязный килим, с желанием позже почистить его.

– Пожалуйста, переоденься поскорее, я выйду и подожду тебя. Нам надо спешить, – тревожно сказала Назмие и вышла из комнаты.

А Джелиль все трогал стены и мебель и рассматривал одежду, удивляясь простым и натуральным тканям и такой родной крымскотатарской домашней обстановке.

Наконец, он переоделся и вышел на улицу, где его уже ждала Назмие, удивительным образом оказавшаяся в другом платье.

– Куда мы пойдем теперь?

– Я пока не знаю, но Нариман-агъа обещал показать, – ответила Назмие.

За воротами их уже ждал загадочный доктор, который в прошлом оказался ханом, а теперь принял привычный Джелилию облик.

И Джелиль не удержался:

– Нариман-агъа, а вы знаете, что очень похожи на одного человека из прошлого?

– Знаю, конечно! – с улыбкой ответил Нариман-агъа. – Я прямой потомок, но даже не в этом дело... Через много поколений одного рода случаются почти идентичные повторения образа и характера предка. И у меня с ним есть некоторая связь... мистического характера. Но мне ли рассказывать вам о невозможном и мистическом?

Они шли по удивительно красивому приморскому поселку, напоминающему не крымский берег, а побережье Анталии.

Нариман-агъа продолжал говорить:

– Золотая Колыбель теперь повсюду. Вы изменили прошлое и настоящее. Шагин-Гирей принял ряд решений и не допустил ни своей смерти, ни потери государственности. Да, мы всегда говорили с ним. Но у меня не было возможности рассказать ему и показать реальность. Я не имел на это права. А ты смог, Джелиль. И он поверил тебе. И спасибо, что передал часы, он давно мечтал о таких.

– Так куда же мы идем сейчас и что должны сделать?

– Мы идем к морю. Вы не раз слышали, наверное, про слой сероводорода в Черном море. На самом деле, это скопление темных сил. Они используют психологическое оружие, чтобы подавлять волю, чтобы настраивать людей на негативные эмоции. Встаешь утром и руку не можешь поднять, и жить не хочется. И так уже много столетий. А теперь там держат наших ребят, которые считаются без вести пропавшими. Если на тебя

не действует психологическое оружие, тебя забирают для экспериментов и чтобы обезопасить себя от умного человека...

– Что мы должны сделать сейчас? Как их спасти?

– Джелиль, мы должны поверить в Золотую Колыбель. Я не знаю сам до конца, какой у нас план действий. Но времени почти нет, сероводород приближается к поверхности. До взрыва остаются считанные минуты.

Впереди показалась полоса воды и каменистый берег. Волны были сегодня странными – они не били о берег, а словно закручивались в большие воронки, отчего вся поверхность моря выглядела некой картиной абстракциониста, нарисовавшего огромные закрученные круги. Цвет воды приближался к черному.

Теперь они стояли у самой воды. Джелиль посмотрел на своих спутников: лицо Наримана-агъа выражало растерянность, а Назмие выглядела спокойной и умиротворенной. «Теперь я понимаю, почему именно она правитель в будущем», – подумал Джелиль.

Ветер порывами набрасывался на них, море стонало, словно пойманная охотником в сети птица. За своей спиной Джелиль ощущал тепло Золотой Колыбели, а перед собой чувствовал ледяной холод смертельной опасности.

«Ты уже спасала мне жизнь, ты спасала не раз мой народ. Спаси и сейчас! Колыбель! Мать моего народа, душа моего народа, я прошу тебя, пронзи это море своим светом, спаси своих детей, заточенных под толщей воды», – взмолился про себя Джелиль.

И тут он явно услышал льющийся как ручей голос: «Проси не меня, проси Всевышнего услышать тебя». Джелиль закрыл

глаза и стал читать молитву. И в какой-то момент сквозь веки он почувствовал яркий свет. Порыв ветра откинул наших героев на несколько метров назад, и яркий свет озарил море. Свет бил с неба и с самого дна, делая воду прозрачной, как стекло. Рыбы и морские звери стали видны, как на ладони, поражая воображение. И вдруг вода поднялась, как чаша, до самого неба. Рыбы теперь плавали над Джелилем. Дух захватывало от этого чуда, которое происходило на глазах пораженных жителей Крыма. Затем вода медленно опустилась обратно, вытолкнув на берег людей. Они лежали у кромки отхлынувшей воды: сотни мужчин и женщин, пропавших в течение нескольких последних лет. Поднимались, трогали себя и не могли поверить в то, что вернулись. Одни плакали, другие благодарил небо, третьи целовали свою землю, ради которой прошли многие испытания.

Джелиль был счастлив, как никогда прежде в своей жизни.

Над ним, над спасенными людьми, над родной землей ярко светило солнце, так похожее на Золотую Колыбель.

Глава 26

Чашка цветочного чая излучала тихий свет и нежный аромат. На уютной кухне сейчас было еще приятнее, чем обычно. Назмие стала видимой, и Джелиль познакомил ее с мамой. Мама была так счастлива, что скрывать свое счастье ей совсем не удавалось.

— Какая красивая девушка, Джелиль, — повторяла она. — А где живут твои родители? Мы приедем к вам с Джелилем, поговорим с ними.

Назмие смущалась и ничего не отвечала, а Джелиль делал тайные знаки маме, которые она видела, но видеть не хотела.

Назмие казалась еще прекраснее, чем обычно. Все испытания были позади, и мысли о ней невольно стали единственными в голове Джелиля.

После чая Джелиль и Назмие вышли во двор. Первая трава пробивалась сквозь нагревающуюся землю, птицы пели о приближающейся весне.

– Назмие... – начал Джелиль,

– Я знаю все, что ты хочешь мне сказать, Джелиль. Каждое твое слово. Но я... я из будущего. Здесь меня нет, не существует. А тебя нет в моем времени. Это Колыбель позволила нам быть в других временах, но так не может быть всегда. У каждого свое время и свое место. И мне... надо уходить. – Назмие отвернулась.

– Нет, я не могу тебя отпустить. Прошу тебя, останься. Я все сделаю для тебя, только никогда не оставляй меня! – Джелилю хотелось упасть на колени, хотелось признаться ей в своем сильном чувстве, в том, что он никогда ничего подобного не испытывал к женщине. Ему хотелось держать ее за руку, чувствовать эти тонкие почти прозрачные пальцы нежной руки в своей руке... Горечь невозможности быть вместе жгла в груди.

– Ты мудрый, хоть и глупый иногда, – Назмие повернулась к нему, глаза ее были полными слез, но на губах играла улыбка. – Ты должен все понять. Мне пора собираться в путь.

– Я тебя не отпущу! Мы встретились не зря, так захотела сама Колыбель!

– Мы встретились зря! Беру свои слова о твоей мудрости обратно! – Назмие поправила свои черные косы, вытерла глаза

и снова превратилась в непроницаемого правителя своей страны из будущего.

«Как я мог полюбить самую несносную и заносчивую девушку во всех временах!» – подумал Джелиль.

Назмие уже шла к воротам, и он направился за ней. Она вышла на улицу и направилась в сторону мечети. Джелиль заставлял себя быть сдержанным и не бежать за ней, не просить остановиться. У ворот мечети Назмие вытащила из волос шпильку с рубином, которая была ее артефактом, и сжала ее в руках.

– Джелиль! Спасибо тебе за все. Ты дважды спас мою жизнь: тогда на улице Бахчисарая, и тогда, когда поговорил с ханом и изменил будущее. Спасибо тебе за твое отважное сердце, за то, что ты поверил в силу Золотой Колыбели и спас весь свой народ. Ты настоящий герой и твое имя останется в веках, поверь. А теперь прощай, – с этими словами Назмие снова убрала волосы шпилькой и исчезла, не дав Джелилию опомниться и ответить ей.

Она исчезла... И такая пустота образовалась в мире вокруг Джелиля, словно и весь воздух она забрала с собой. Ноги подкосились и он встал на колени, с горечью опустил голову...

– Я ведь люблю тебя, Назмие, не уходи...

Секунда звенела в ушах, как назойливая муха и вдруг... Словно из ниоткуда появилась Назмие, смешно шлепнувшись о камни перед Джелилем. Их глаза встретились, и Джелиль не успел спрятать свои чувства. Но Назмие опустила глаза и произнесла:

– Ты не поверишь, но в будущем для меня нет места. Там правит... наш внук.

– Кто??? Внук?! – радости Джелиля не было предела. Он поднял Назмие на руки и кружил ее до самого дома, на пороге которого их ждала счастливая мама.